

К ИСТОРИИ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ЦЕНТРЕ АЗИИ: ДАННЫЕ МАТОРСКО- ТАЙГИЙСКО-КАРАГАССКОГО ЯЗЫКА *

Памяти Наташи Соколовской

В течение полутора тысячелетий, от гуннской эпохи до монгольских завоеваний, значительная часть исторических потрясений в странах цивилизованного мира была связана — прямо или косвенно — с импульсами, исходившими из Центральной Азии. Кочевники Монголии, Алтая, верховьев Енисея с удивительным постоянством вновь и вновь накапливали силы для экспансионизма общевразийских масштабов. Периодические волны их нашествий радикально меняли этноязыковую ситуацию в ряде далеких от центра Азии регионов. При этом, например, в Северном Причерноморье — на западной периферии Великой степи — изменения были настолько бурными, что черты культурной и языковой преемственности между отдельными эпохами (скифской, гуннской, аварской, болгарской, венгерской, печенежской, половецкой, татарской) или отсутствуют, или прослеживаются с чрезвычайным трудом.

Определенная парадоксальность состоит, однако, в том, что в регионе, включающем сам центр азиатского материка (obelisk «Центр Азии» стоит, как известно, в Кызыле) и его ближайшие окрестности, этноязыковая ситуация, по-видимому, не была подвержена столь же бурным изменениям и даже обладала известной стабильностью, особенно если иметь в виду территориальное соотношение не отдельных племен и племенных союзов, а крупных этнических единств. Хотя археологические материалы, известия китайских хроник и косвенные лингвистические свидетельства не могут восполнить дефицит прямых документальных данных, особенно для раннего периода, имеется немало указаний на длительное сохранение такой стабильности. Так, на большей части Алтая и Тувы на всем протяжении рассматриваемого нами периода вряд ли присутствовал какой-либо автохтонный этнический элемент, кроме тюркского [Этническая история... 1984, passim]. По крайней мере уже на рубеже н. э. Западная Монголия была ареалом расселения тюркоязычных, а Восточная — монголоязычных племен [Menges 1968a: 55–56]; даже натиск киданей в X в. [Кызласов 1984: 79] и затем создание империи Чингисхана не привели к вытеснению тюрков из Западной Монголии, а лишь к численному сокращению тюркоязычных групп и их постепенной ассимиляции, продолжающейся до настоящего времени [Брук 1981: 489–

* Впервые опубликовано в: Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях. Ч. II. М., 1988. С. 153–166.

490]. Граница между тюрко-монгольскими и тунгусо-маньчжурскими племенами, начиная с древнейшего периода, примерно соответствовала границе степной и таежной зон [Menges 1968: 6], а начавшееся в X–XI вв. смещение этой границы к северу в циркумбайкальском регионе носило характер медленного процесса в условиях тесного бурятско-эвенкийского контактирования [Бураев 1986]. Весьма показательны и данные изучения межъязыковых заимствований — в частности, предпринятое Г. Дерфером [Doerfer 1984a] исследование монгольских элементов в тунгусо-маньчжурских языках, демонстрирующее, что они различаются по своей хронологии, но что различные хронологические слои отражают, по сути дела, один и тот же тип историко-культурных взаимодействий.

Существенным дополнением к этим соображениям (которые — необходимо признать — в той или иной мере могут быть оспорены с позиций иных этноисторических концепций) могут служить результаты этимологического исследования лексики маторско-тайгийско-карагасского языка (МТК) ¹.

Этот самодийский язык горных и предгорных районов Минусинской котловины, окончательно вышедший из употребления в первой половине прошлого века, засвидетельствован в нескольких достаточно представительных по объему и удовлетворительных с точки зрения качества записей словниках (Г. Ф. Миллер, между 1734 и 1740 — тайг., караг. и мат. диалекты, см. публикацию в [Helimski 1987a]; П. С. Паллас или один из участников возглавлявшейся им экспедиции, 1772 — караг. диалект, см. ту же публикацию; Г. Спасский, 1806 — мат. диалект, см. публикацию в [Potarov 1957]; см. также [Хелимский 1978, <1997>] с характеристикой этих и ряда других, первичных и вторичных, источников лексического материала).

Исторические и этнографические данные о самодийском населении Присаянья — носителях МТК и камасинцах — относятся только к периоду после присоединения этого региона к Русскому государству (наиболее подробно [Potarov 1957]; см. также [Donner 1920: 1–6; Hajdú 1950: 92–97; Joki 1952: 25–33; Вайнштейн 1976, 1983]). Однако есть серьезные основания видеть в саянских самодийцах XVII–XIX вв. непосредственных потомков древнего самодийского охотничье-оленоводческого населения этого региона. Нам уже приходилось отмечать, что, хотя давно известная гипотеза о саянской прародине самодийцев вряд ли может считаться приемлемой в своем чистом виде, достаточно правдоподобным можно считать отнесение Присаянья к числу периферийных зон расселения самодийцев накануне распада праязыкового единства (т. е., по-видимому, на рубеже н. э.) — при том, что основной зоной был скорее всего регион между Средней Обью и Енисеем, вокруг треугольника «Томск-Красноярск-Енисейск». Такая локализация, опирающаяся на лингвистические данные, вполне может быть согласована и с археологической историей территорий, о которых идет речь [Donner 1920; Вадецкая 1986: 98–99]. Сейчас имеется возможность указать на некоторые дополнительные лексико-этимологические аргументы, связанные с проблемой самодийской прародины:

1. Реконструируется прасамодийское обозначение козули, или дикой козы (*Sarpeolus sarpeolus*) — **rajt*¹з (т. е. **rajtz* или **rajcз*), непосредственно отраженное в камас. (Кастрен) *phōtu* ‘wilde Ziege’, (Доннер) *p’ō’du* ‘коза, Сарга

¹ <В более поздних публикациях — см. особенно [Helimski 1997] — этот язык именуется просто маторским, по имени наиболее полно засвидетельствованного его диалекта.>

sibirica' | койб. (Паллас) *pooto* 'Cervus capreolus', (Спасский) *nōdo* «коза» | МТК (Миллер) тайг. *háschte*, караг. *hâschte* 'capreolus', (Паллас) караг. *châsta* 'коза', (Спасский) мат. *хаума* 'коза'. Сильно расходящийся фонетический облик камасинско-койбальского и МТК слов исключает возможность позднего происхождения параллели; в то же время реконструкция самодийского архетипа дает фонетически адекватное объяснение. Отсутствие соответствий в селькупском и северносамодийских языках вполне естественно: они распространены вне хабитата *Capreolus capreolus*, который в Сибири охватывает лесостепную и часть таежной зоны (к югу от 55–60° с. ш.), Саяны и Алтай [Млекопитающие фауны СССР 1963: 991]. По-видимому, перевод *Capra sibirica* (т. е. сибирский горный козел) у Доннера представляет собой недоразумение; если, однако, реконструируемое слово действительно относилось к этому гораздо более специфическому по среде обитания животному, то возникнуть оно могло только у населения, осваивавшего горные хребты Саян и Алтая [там же: 1043].

2. В п.-монг. *ča* (халх. *цаа*) «северный олень (домашний, ездовой)» следует, на наш взгляд, усматривать заимствование из ПС **сез* с тем же значением. (Ср. реконструкцию **t'ēd*, т. е. **tēd* или **ceḏ*, в [SW: 155]; об исходности **c* свидетельствует как монгольская параллель, так и вхождение данного слова вторым компонентом в южно-сельк. *ādäžä*). Слово могло быть заимствовано в прасамодийскую эпоху или несколько позднее, но, во всяком случае, до перехода **c* > *t*, который мы находим в самодийских языках позднего времени (ср. кам. *to*, МТК *tēgä*). Кстати, данный термин может служить существенным аргументом в пользу неоднократно высказывавшегося мнения о приоритете самодийцев в доместикации северного оленя и о Саянах как вероятном первичном центре доместикации.

Дальнейшие выводы этноисторического характера, уже непосредственно связанные с судьбами носителей МТК и их соседей, могут быть сформулированы на основе этимологического анализа некоторых групп культурной лексики этого языка. Ниже при рассмотрении полностью привлекаются данные по каждой из таких групп; большая часть слов приводится в унифицированной фонологической транскрипции (к её обоснованию см. [Хелимский 1986г]) и лишь не поддающиеся однозначной фонологизации формы цитируются в оригинальном написании в угловых скобках. Этимологические источники (прасамодийские реконструкции, тюркские и монгольские оригиналы) в большинстве случаев для краткости не указываются.

1. Домашние животные, лексика животноводства.

Общесамодийское наследие ограничено словами *tēgä* 'домашний олень', *bēn* 'собака' (и *madə*- 'лаять'), *nūnda* 'лошадь' (тюркское заимствование прасамодийской эпохи, см. [Joki 1952: 138]), *kejbe* и <*gīm*> 'кобыла', *sartə*- 'доить'.

Основная масса слов данной тематической группы отражает тюркские и монгольские источники. Среди них по крайней мере три слова, по данным самодийской и алтайской исторической фонетики, представляют собой очень ранние заимствования: *toŋ(g)oj* 'свинья' (ср. тюрк. *doŋuz* < **doŋuŋ*), *üdü* ~ *üdä* 'корова' (ср. тюрк. *ud*), *čärE* 'бык, самец' (ср. п.-монг. *žari* 'самец домашнего или дикого оленя'). Фонетические соображения не противоречат даже той возможности, что эти слова были заимствованы в прасамодийскую эпоху (вместе с названием лошади), но не сохранились в других самодийских языках. Потенциально к числу древних

заимствований могут быть отнесены также слова *aktələ* — ‘кастрировать’ (откуда *aktəlan* ‘вол’), *buka* ‘бык’, *koj* и *konin* ‘овца’ (первое из них — тюркское и представлено в маторском и тайгийском диалектах, второе — монголизм, известный из карагасского диалекта; подобное диалектное распределение слов тюркского и монгольского происхождения является достаточно типичным для МТК, см. [Хелимский 1982а: 32]), *kulun* ‘жеребенок’, *čala* ‘грива’, *kuča* ‘баран’, *mEj(ə)tE* ‘верблюду’. В словах этой группы отсутствуют достаточно четкие диагностические признаки фонетики (и семантики), вследствие чего они могут с равным успехом оказаться заимствованиями тысяче-полуторатысячелетней давности и наследием контактов XVII–XVIII вв. Наконец, большую группу слов можно с высокой вероятностью квалифицировать как сравнительно поздние заимствования, в основном обнаруживающие специфические хакасские (а не тюркские вообще) и бурятские (а не монгольские вообще) черты: *askir* ‘жеребец’, *bizo* ‘теленку’, *k(i)randər* ‘ржать’, *kjško* ‘кошка’ (в конечном счете из русск.), *kuragan* ‘ягненок’, *ör* ‘табун’, *šoška*, ? *šorška* ‘свинья’, *süskü* ‘бодливый’, *takja* ‘курица’, *tizäk* ‘навоз’. Тюркизмами являются и обозначения мастей: *ala* ‘пегий’, *bora* ‘сивый’, *bozrak* ‘рыжий’, *čogər* ‘пестрый, чубарый’, *toru* ‘гнедой’.

Ни единого слова неизвестного происхождения в пределах данной тематической группы лексики не обнаруживается.

Выше уже говорилось о самодийском происхождении монгольского названия домашнего оленя. Можно предполагать, что ещё один термин оленеводства унаследован из самодийского субстрата тофаларским языком: тоф. [Рассадин 1971: 233] *tarhyš* ‘годовалый олененок (неодобрительное название)’, очевидно, восходит к ПС [SW: 31–32] **čärkäj-* ‘теленку домашнего оленя’ через незасвидетельствованное МТК (караг.) **targaj*, **targəš-*. Более проблематичным ввиду отсутствия этимологических объяснений, но достаточно правдоподобным с культурно-исторической точки зрения было бы предположение о самодийском происхождении ряда других оленеводческих терминов в тюркских языках Присянья.

2. Средства передвижения.

Исконно самодийская лексика: *nEjmä* ‘лыжи’, *<denği>* ‘лыжи-голицы’; *ondoj* ‘лодка, челнок’, *lähä* (?) ‘весло’; *EdE* ‘сани’, *čikə-* ‘распрячь’.

Слова неясного происхождения: *<тялямәмь>* ‘гребу’; *<никсильямь>* ‘выпрягаю’.

Тюркские заимствования: *kaŋgajak*, *<changárgan>* ‘лыжи-голицы’; *sal* ‘плот’; *šor* ‘сани’; *aŋir* ‘седло’, *čügän* ‘узда’, *kaŋži* ‘плеть’, *čalaŋ* ‘верхом’, *kölər-* ‘запрячь’, *soglok* ‘узда’.

Монголизмы: *oŋgoso* ‘лодка’; *terge* ‘телега’; *solo* (?) ‘узда’ (это слово может быть и тюркизмом).

Таким образом, общесамодийское наследие (к нему, видимо, примыкают и два непроэтимологизированных слова) преобладает в тематических подгруппах, связанных с лыжным и водным транспортом. Напротив, среди терминов верховой езды нет ни одного исконного слова — не вызывает сомнений тюркское, причем позднее, происхождение соответствующих навыков.

3. Охота, оружие.

В пределах данной тематической группы связь между предметной и этимологической соотнесенностью слов прослеживается весьма четко. Исконное проис-

хождение имеют слова *m(i)nästər-* ‘охотиться, промышленять’ (дериват от *m(i)näsä* ‘зверь, животное’) и *čidə-* ‘стрелять’, а также большинство терминов, относящихся к охоте с луком: *mindī* ‘лук’, *nej* и *<mühu>* ‘стрела’ (вероятно, общие названия), *muŋgu* ‘тупоконечная стрела, тамар’, *neli* (?) ‘костяная стрела’, ? *<sichdä>* ‘костяная стрела’ (помимо МТК, известно только из камасинских материалов). Этимология слова *čukun* ‘колчан’ остается нам неизвестной. Тюркское происхождение имеют три структурно однотипных наименования стрел по их функциональному назначению: *čagluk ~ čāluk* (боевая, кибирь), *kastuk* (с широким железным наконечником, боевка), *kustuk* (для охоты на птиц, оргиш), а также слово *k(i)ri* ‘цель, мишень’. Оба сохранившихся в источниках названия холодного оружия имеют монгольское происхождение, причем если для *čeda* ‘копье’ допустимы различные версии относительно времени и путем заимствования (ср. [Joki 1952: 357–358]), то *helme* ‘шпага’ отражает специфические поздние фонетические особенности бурятского источника (бур. *helme*, ср. п.-монг. *sel(e)me*). Оба термина, связанные с огнестрельным оружием, — тюркского происхождения: *tar* ‘порох’, *aldəŋ(g)aj* ‘винтовка’ (непосредственный источник не установлен, но, очевидно, связан с тюрк. *aldī* ‘дичь’).

4. Рыболовство.

Дошедшие до нас термины рыболовства в МТК носят общесамодийский характер: *hongga ~ hongo* ‘сеть, невод’, *čuj* ‘запор’, *kajər* ‘морда’, *bigürä ~ bügürä* ‘острога’; корневая часть слова *kojabsin* ‘удочка’ неясна, но слово оформлено исконным суффиксом *pomen instrumenti*. Единственный тюркизм — *sügän* ‘верша’.

5. Металлы и их обработка.

Единственным исконно самодийским словом этой группы является *bEsä* ‘железо’ (и ‘металл’ вообще). Все прочие названия металлов можно охарактеризовать как ‘тюрко-монгольские’, учитывая, что большинство из них представлено и в монгольских языках, и в тюркских языках Южной Сибири: *bolat* ‘сталь’, *altın* ‘золото’, *kümüš* ‘серебро’, *bagır* ‘медь’, *čes* ‘медь’, *sed* ‘медь’ (данное слово, этимологически связанное с предшествующим, представляет собой несомненный поздний бурятизм: бур. *zed*), *kola* ‘бронза’, *tolgan ~ <tugün>* ‘олово’, *korgolžin* ‘свинец’ (и *ak korgolžin* ‘олово’). Ср. также тюркские заимствования *tabtəjər-* ‘ковать’ (таким образом, МТК, по-видимому, утратил исконное ПС **jäcə-* с тем же значением) и *us* ‘кузнец’.

6. Сфера товарно-денежных отношений.

Исконно самодийская лексика: *temdə-* ‘продать’, *temdər-* ‘покупать, торговать’, ? *kü-* ‘дешево’, *bir ~ mür* ‘калым’ (первичное значение ‘цена, плата’), ? *kälən-käbti* ‘деньги’ (видимо, восходит к прасамодийским обозначениям рыбьей чешуи), *tälər-* ‘воровать’ и *täl(ə)güt* ‘вор’.

Слово неясного происхождения: *<коймукты>* ‘дорого’.

Тюркские заимствования: *almə* ‘долг’, *alban* ‘дань’, *eñži ~ inži* ‘приданое’, *kıp* ‘приданое’ (исходно ‘одежда, наряды’), *kinäm* ‘убыток’, *sadižji* ‘купец’, *ornazər-* ‘менять’, *baj* ‘богатый’, *katkan* ‘скупой’, *turmok* ‘даром’.

Монгольские заимствования (они отчасти дублируют тюркские): *müŋgü* ‘деньги’, *andəldə-* ‘менять’, *jadoko* ‘бедный’, *koŋgoj* ‘жадный’.

Здесь, как и в некоторых других группах, имеет место преобладание заимствованной лексики в периферийной части терминологии (например, среди прилагательных, характеризующих материальное положение людей). Данное явление можно связать скорее с эффектом билингвизма носителей МТК и постепенного их перехода на языки тюркского и отчасти монгольского окружения, нежели с тем, что сами соответствующие понятия появились в МТК только под культурным влиянием соседей.

7. Сфера социальных отношений.

Если не включать в эту сферу термины родства и близкие им наименования (например, *čojbuh* ~ *čujbuh* ‘вдова, сирота’, *mōndoh* ‘сват’), то самодийское наследие оказывается не представленным вообще. Обширный корпус (до 20 слов) составляют тюркские и тюрко-монгольские, реже чисто монгольские элементы, в основном, видимо, связанные с культурными влияниями (и социальными учреждениями) сравнительно позднего времени. Интересно слово *čar* ‘начальник, господин’; видимо, это слово либо является продуктом метонимического развития монг. *žar* ‘приказ’, либо (мы, конечно, сознаем рискованность этого второго предположения) отражает первичную семантику указанного монгольского слова. Обратим внимание также на *čalaŋ* ‘царь’, заимствованное из тув. *čalaŋ* ‘цзалан (старший чиновник)’ (< кит.).

Пока нам не удалось установить происхождение следующих двух терминов данной сферы: <*susù* ~ *dschisù*> ‘слуга’ и <*кай(дждадага)*> ‘армия’ (? ‘войско идет’).

8. Культурная сфера (счет, письмо).

В этой группе, довольно малочисленной (к ней условно отнесены также названия больших чисел, но не числительные первого десятка) исконная лексика фактически не представлена вообще, так как все слова прасамодийского происхождения в конечном счете также оказываются заимствованными: это *tōrə* ~ *tōr* ‘считать’ (монголизм в прасамодийском), *tun* ‘100’ (первоначально, вероятно, ‘число’ — также монгольского происхождения), *čür* ‘100’ (ПС **jür* из тюрк. **jūr*, позднее *jüz*), <*hungusishta*> ‘пищу’ (ПС **peŋ*- (?) ‘писать’, в котором допустимо видеть индоевропейское заимствование, ср. тохар. В *pinkeŋ*, скр. *pinke*, лат. *pingo*; известна и версия китайского происхождения данного слова, см. [Ramstedt 1949: 213] о камас. *phiäŋdeläm*).

Числительное *čüs* ‘100’ — повторное заимствование из того же тюркского источника, к которому восходит и *čür*. Еще три слова — монголизмы: *mingan* ‘1000’, *bičik* ‘книга’ (известно и тюркским языкам), *sarhun* ‘бумага’, причем последнее из этих слов обладает несомненными фонетическими признаками относительно позднего бурятского заимствования (бур. *sārhan*, ср. п.-монг. *čayarsun*).

9. Религия.

Несколько слов, выражающих основные религиозные понятия, и вся известная нам терминология шаманизма имеют прасамодийское происхождение: *nut* ‘Бог, небо’, *kajgu* ‘идол’, *möjüh* (? *mojuh*) ‘душа’; *tädE* ‘шаман’, *höngür* ‘бубен’, *hedibsin* ~ *hidibsin* и *höngəbsin* ‘колотушка бубна’. Происхождение слова *hāla* (? *hala*) ‘черт, дьявол’ неясно, но, судя по инициальному *h-*, оно также может быть исконным.

Для основополагающих терминов известны и синонимы заимствованного происхождения — *tĒrə* ‘Бог, небо’ (тюрк.), *ĕĒĭ* ‘Бог’ (в конечном счете из монг. *ǰajayaĭ* ‘творец’), *burkan* ‘божество, идол’ (монг.), <*зедкыр*> ‘дьявол’ (монг., тюрк.). Кроме того, тюркизмами являются *tölgälər* ‘ворожить’, *talan* ‘счастье, удача’, *numak* ‘сказка’, *tigir (müt)* ‘церковь’, *abıs* ‘священник’.

Анализ этимологического состава нескольких других, довольно многочисленных тематических групп культурной лексики не вносит существенных изменений в общую картину, поэтому мы ограничиваемся приведением итоговых числовых данных по этим группам:

	Исконная лексика	Тюркизмы	Монголизмы	Тюрко-монголизмы	Русские заимствования	Лексика неясного происхождения
Хозяйственная утварь	13	15	3	4	2	2
Жилище, постройки	5	6	1	1	2	—
Одежда, обувь, украшения и их изготовление	11	8	1	—	—	—
Еда, напитки, курение	4	15	2	2	1	1

Специально подчеркнем, что терминов, связанных с земледелием, в материалах по МГК не засвидетельствовано (за возможным исключением тюркизма *urluk* ‘семья’), хотя анкеты, использовавшиеся Г. Ф. Миллером и П. С. Палласом, предусматривали фиксацию названий злаков и основных сельскохозяйственных орудий.

Подводя итоги проведенного рассмотрения, нет необходимости специально останавливаться на вполне очевидных выводах касательно роли исконных традиций и внешних влияний в развитии определенных сфер хозяйства и культуры саянских самодийцев: в этом плане наше исследование в основном согласуется с делавшимися ранее выводами, см. особенно [Вайнштейн 1976, 1983].

Внимания заслуживает, однако, такой фундаментальный факт, как мизерно низкая доля слов неизвестного происхождения во всех без исключения группах культурной лексики (в ряде групп дошедшая до нас лексика этимологизируется вообще полностью). Если учесть, что некоторые из оставшихся этимологически неясными слов, возможно, искажены в оригинальных записях, а происхождение некоторых других может раскрыть дальнейшее исследование (ресурсы которого представляются еще далеко не исчерпанными), то можно утверждать, что культурная лексика МТК целиком состоит из элементов самодийского, тюркского, монгольского и — в небольшой мере — русского происхождения. Иначе говоря, в течение своей примерно двухтысячелетней истории самостоятельного существования носители МТК не подвергались сколь-нибудь интенсивному воздействию со стороны таких этнических групп, которые говорили не на тюркских или монгольских языках. Тем самым наши данные фактически исключают возможности того, что в бурных политических событиях в Присяянье и смежных областях Южной Сибири за последние две тысячи лет (см. [Кызласов 1984]) активно участвовали иные этнические группы — например, тунгусо-маньчжуры, енисейцы, и тем более носители вообще не сохранившихся в данном регионе языков.

С этой точки зрения ситуация с лексикой МТК если не уникальна, то достаточно нетипична: в частности, в большинстве финно-угорских и самодийских языков обнаруживаются большие пласты культурной лексики относительно позднего происхождения, не имеющие удовлетворительных этимологических объяснений и предположительно связываемые с суб- или суперстратным воздействием ныне исчезнувших языков.

Далее следует отметить, что тюркские и монгольские заимствования МТК явно относятся к весьма различным хронологическим этапам (начиная с прасамодийской эпохи и до XVII–XVIII вв.). Таким образом, никакие массовые миграции и политические бури в течение всего этого длительного исторического периода не вели к коренным изменениям этнической ситуации в регионе, хотя, несомненно, интенсивность как тюркского, так и монгольского влияния на самодийское население на отдельных этапах могла сильно варьироваться.

Показательно, наконец, что мало менялся с течением времени и характер тюркского и монгольского влияния: слова одних и тех же тематических групп (или даже вообще повторно одни и те же слова) заимствовались и на самых ранних, и на наиболее поздних этапах культурного взаимодействия (ср. особенно группы 1 и 8). С другой стороны, столь же устойчивый во времени характер имело, по-видимому, культурное влияние самодийцев на их соседей в сфере оленеводства.

Думается, что изложенный материал достаточно наглядно подтверждает выдвинутый в начале статьи тезис об относительной стабильности этноязыковой ситуации в центре Азии в течение всего того периода, когда исходившие из этого региона миграционные волны разрушали такую стабильность далеко за его пределами.

Стабильность вряд ли может быть объяснена чем-либо иным, кроме как устойчивым распределением данного региона (чрезвычайно контрастного по своим природно-ландшафтным условиям, см. [Суслов 1954: 276–328]) между этнически разнородными группами, специализированными на разных типах хозяйственной деятельности. Только в качестве охотников и оленеводов горных и предгорных районов могли немногочисленные группы саянских самодийцев сохранить в течение долгого времени свою этническую самобытность. Вполне вероятно, что этот тип хозяйственной деятельности в той или иной мере сочетался с занятиями скотоводством (ср. [Вайнштейн 1983: 47–48]), но о длительной и активной конкуренции в этой сфере с соседями-тюрками вряд ли можно говорить.